

Бахтиар Мирза Ф. Театральные курьезы... // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1940. 29 сентября. № 10096. С. 5.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ КУРЬЕЗЫ . . .

Скажи мне о чем ты мечтаешь, и я скажу тебе кто ты . . .

Вл. И. Немирович-Данченко.

Продолжение.

ЛОЗУНГОМ Станиславского в театре было: «Не надо в театре театра».

Н. И. Музиль взял для своего бенефиса «Последнюю волю» Вл. И. Немировича-Данченко. Завязалась забавная борьба из-за одной роли. Федотова, первая тогда актриса Малого театра, вдруг заявила желание взять эту пьесу для своего бенефиса. Музиль уступил. В пьесе была «выигрышная» роль жены управляющего, которую Музиль дал Никулиной. Но Федотова потребовала, чтобы роль передали Садовской. Никулина подняла шум. Управляющий, режиссер и автор были бесильны против желания Федотовой. Никулина шумела, плакала и, наконец, понеслась курьерским поездом в Петербург с жалобой к директору Императорских театров, откуда вернулась с письмом к управляющему театрами. Но Садовская ни за что не хотела возвращать роли. Тогда Федотова отказалась от пьесы. Немирович-Данченко не на шутку заволновался. Музиль же взял пьесу обратно, а относительно роли жены управляющего сказал автору: «Вы уж позвольте мне самому решить этот вопрос. И Никулина, и Садовская — обе мои кумы, как-нибудь столкнусь с ними».

Несколько дней он вел отчаянные переговоры с обеими крестными матерями своих детей. Победила более темпераментная Никулина.

В Петербурге «Последняя Воля» шла в бенефис М. Г. Савиной в присутствии царя и его семьи. После третьего действия царь выразил желание повидать автора. Пока Немирович-Данченко шел, директор шептал ему сзади: «Не заговаривайте с ним первый, не заговаривайте с ним первый». Александр III стоял на сцене около Савиной, окруженный свитой, высокий, плотный, с окладистой бородой и большой лысиной. «Я знал одного исправника», — рассказывал Немирович-Данченко, — с такой же лысиной, которой он очень гордился, так как ему часто говорили, что его лысина похожа на царскую. Был один цензор, который при описании цветников вымарывал название цветка царская борода».

Когда Немирович-Данченко поступил преподавателем драматического искусства в Московскую Филармонию, он нашел там, что в составе учащихся было огромное число всякого сброда — подозрительных девиц, которые шли в школу, как на хорошую выставку, бездельников, которым некуда было деваться; а, главное, у большинства отношение было легкомысленное, словом, весь тон был необыкновенно вульгарным.

— Зачем вы поступили в школу? — спросил он одного, — ведь вы же ничего не хотите делать!

— Как вам сказать, — ответил тот, — средства у меня есть, делать мне все равно нечего, а тут еще много женщин . . . бесплатно.

Первой пьесой Чехова был «Леший». От этой пьесы до «Чайки» прошло семь лет. Когда появилась пьеса «Дядя Ваня», Чехов не любил, чтобы говорили, что это переделка того же «Лешего». Где-то Чехов заявил, что «Дядя Ваня» пьеса совершенно самостоятельная. Но это неправда. Основная линия и несколько сцен почти целиком вошли в «Дядю Ваню» из «Лешего». Первый спектакль «Дяди Вани» шел в провинции на сцене Одесского театра в труппе Соловцова, который тогда уже был антрепренером и имел самую лучшую труппу в провинции. В то время в труппе служила сестра Немировича-Данченко актриса Немирович. Она же играла в «Дяде Ване» Елену. Успех был средний. Публика аплодировала, актеров вызывали, но с этим спектаклем окончились постановки пьесы.

«Дядя Ваня» был переведен и сыгран в Германии. В первую поездку М. Х. Т. за границу в Берлине и Дрездене немцы категорически отказались от «Дяди Вани».

Московский Художественный театр назывался вначале Художественно-Общедоступным театром.

Одним из крупных элементов сценической новизны режиссера Станиславского было пользование вещами и эффектами: спичка и зажженная папироса в темноте, пудра в кармане Аркадиной, плат у Сорина, гребенка, запонки, умывание рук и т. п. без конца. В «Дяде Ване» закрывали голову от комаров, подчеркивали трещание сверчка за печкой. За этих комаров и сверчка критика много бранила М. Х. Т. Даже сам Чехов как-то полшутя, полусерьезно сказал: — В следующий пьесе я сделаю ремарку: «Действие происходит в стране, где нет ни комаров, ни сверчков, ни других насекомых, мешающих людям разговаривать».

Во время одного из представлений «Чайки» в М. Х. Т. был такой эпизод. В публичке сидел с мамашей ребенок лет пяти. Он то и дело громко вставлял свои замечания и хоть мешал публике, но был так забавен, что ему прощали. Разглядывая сад на сцене, он начал приставать к матери: — Мама, ну, пойдем туда в сад погулять!

В театре много суеверий. Есть «несчастливые» пьесы. В провинции избегали переделку «Идиота» Достоевского. Композитор Бламберг написал оперу «Мария Бургундская». Она пошла в Большом театре всего три раза и была снята, потому что во время каждого спектакля в театре происходило какое-нибудь трагическое происшествие. П. П. Гнедич написал «Несчастье» — пьесу очень недурную. В первое представление в Петербурге, за кулисами перед началом спектакля умер главный исполнитель Свободин. Пьесу сняли с репертуара. В одном из школьных спектаклей В. Немирович-Данченко хотел поставить «Несчастье» но во время репетиции трагически погиб брат главной исполнительницы. Через несколько лет актриса М. Х. Т. Муратова, будучи преподавательницей в школе М. Х. Т. раздала роли ученикам из «Несчастья», но пьеса не пошла: умерла сама Муратова.

Во время постановки Метерлинка «Там внутри» каждый раз на спектакле что-нибудь происходило: то занавес не шел, то сорвался железный «пожарный» занавес, то опасно заболела дублерша заболевшей-же главной исполнительницы. К постановке была намечена «Фауст» со Станиславским в роли Мефистофеля. Станиславский улыбнулся и сказал: «Пожалуй... но, вы знаете, что несколько раз я хотел играть Мефистофеля, и всякий раз у меня в семье происходило какое-нибудь несчастье».

Когда пришло известие о смерти актрисы Савицкой, Вишневский,

будучи очень суеверным человеком, закричал в коридоре:

— Ну вот, что я вам говорил. Вл. Ив. въехал и пролетел на белой лошади... Я вам говорил, будет несчастье!

Владелец театра «Эрмитаж» в Москве купец Щукин дал строгий приказ не уничтожать крыс в театре. Он боялся, что крысы отомстят.

Днем открытия Художественного театра было 14 октября. Дата выбрана Щукиным и Немировичем-Данченко по указанию цыганки-ворожени. И только через несколько лет обнаружилось, что знаменитый Московский Малый театр был открыт 74 года назад тоже в среду 14 октября.

В России было четыре цензуры: для печати, для сцены, для народных спектаклей и духовная. Художественный театр задумал ставить «Саломею» Оскара Уайльда и «Катина» Байрона. Общая и театральная цензура разрешила. Недоставало разрешения духовной. Дело дошло до Святейшего Синода. Там постановку запретили. Хлопоты привели к главному лицу, протестовавшему против постановки — экзарху Грузии. Как и митрополит Владимир, взял он тон гневный:

— Вы что же? Собираетесь выводить на подмостки жертвоприношение?.. И кому жертвоприношение?.. Богу?.. И кого же вы на сцену выводите для этого?!!.. Адама?.. Адама, причисленного к лику святых... И Авеля?.. А вам известно, что Авель числится на две ступени выше Адама и в иерархии святых? Так и не разрешили.

Про Шалыпина кто-то сказал: «Когда Бог создавал его, то был в особенно хорошем настроении, и создал его на радость всем».

Трудно понять сейчас соображения, по которым цензура вычеркивала те или иные сатирические куплеты. Например, в водевиле «Актер» Некрасова вымаран был куплет № 7, распеваемый татаринном:

Не понапрасну век мы губим,
Мы любим все, чем жизнь красна,
Не меньше русских деньги любим,
И даже... любим пить вина!
Мы любим все, что в жизни благо:
Красивых жен, честных людей,
Лишь по писанию Аллаха
Не любим мы одних свиней!

Ф. Бахтияр Мирза

Продолжение следует.